

Три часа назад, в одной из книжных лавок на Восточном рынке.

Сюй Пин стоял перед деревянной полкой, выбирая свитки, и одновременно был вынужден слушать, как его друг рядом болтает без устали.

— Вчера, как только вернулся домой, моя мать чуть не расплакалась при виде меня, все повторяла, что я сильно исхудал!

Поскольку они находились в книжной лавке, Сюэ Хэн старался говорить потише, чтобы не мешать другим посетителям.

Сюй Пин развернул старый свиток и спокойно сказал:

— Исхудал? А как же тогда объяснить, что вчера утром ты жаловался, что пояс стал немного тугим?

Сюэ Хэн замялся, делая вид, что не услышал этой реплики, и продолжил, подражая голосу своей матери:

— «Ай-ай, почему ты вдруг перестал просить присылать еду из дома? Ты вообще питаешься как следует в Гоцзыцзяне? Я слышала, что в вашей столовой еда просто невыносима!» И так она говорила до тех пор, пока я вчера не вернулся в свою комнату.

Сюй Пин слегка усмехнулся и приподнял бровь:

— Так ты не сказал госпоже Сюэ, что теперь столовая изменилась, и еда там больше не такая отвратительная, а вкусная, как в лучших ресторанах Восточного рынка?

— Как же не сказал! — Сюэ Хэн вздохнул, опираясь рукой на бок и поигрывая подвесками на поясе, лицо его выражало нескрываемое уныние. — Но как бы я ни объяснял, моя мать все равно не слушает. Сегодня утром, пока я ел, она снова уговаривала меня организовать слуг приносить завтрак и ужин после того, как я вернусь в Гоцзыцзянь. Хорошо хоть мы договорились сегодня прогуляться по Восточному рынку. Наконец-то могу отдохнуть от ее нравоучений.

Сюй Пин отобрал несколько пыльных старых свитков и направился к хозяину лавки, чтобы расплатиться.

Хозяин его узнал и с улыбкой сказал:

— Эти свитки залежались здесь уже давно, бумага пожелтела, и никто их не покупает. Они недорогие, господин, пусть будут всего тридцать вэней.

Сюй Пин часто бывал в этой лавке, поэтому знал, что цена была более чем справедливой, даже щедрой. Он быстро отсчитал тридцать монет из почти пустого кошелька и расплатился.

Сегодня был Праздник Середины осени, и улицы Восточного рынка были оживленными: многие горожане вышли прогуляться, держа в руках цукаты, орехи или пирожные.

Сюй Пин пришел на рынок, чтобы найти старые свитки, которые никому не были нужны. Теперь, когда они у него в руках, ему больше нечего было покупать, и он просто прогуливался по улицам в компании Сюэ Хэна.

Когда они проходили мимо самого популярного на рынке магазина цукатов, Сюэ Хэн даже не замедлил шаг, быстро и без всякого сожаления прошел мимо.

Увидев это, Сюй Пин удивился:

— Ты сегодня не будешь покупать цукаты?

Сюэ Хэн хитро улыбнулся и похлопал по двум лунным пирогам, спрятанным под одеждой:

— Зачем цукаты, когда у меня есть лунные пироги от мастера Мэн?

Сюй Пин посмотрел на него:

— Аньюань, зачем ты взял с собой лунные пироги на прогулку?

— Конечно нужно носить их с собой! — в глазах Сюэ Хэна зажегся огонь, словно это было очевидно. — Я открыл их еще вчера, и все они оказались кантонскими. Как объяснила мастер Мэн, кантонские лунные пироги нужно выдержать, пока они не пропитаются маслом, а тесто не станет мягким. Только тогда их вкус раскроется полностью.

- Просто я слишком сильно надавил, и два листа промасленной бумаги, в которую были завернуты пироги, порвались от легкого прикосновения. Делать нечего, пришлось наспех взять чистую масляную бумагу и завернуть в нее.

Сюй Пин покачал головой, явно не зная, как реагировать:

- Ты же говорил, что пройдет день или два, пока они пропитаются маслом. Неужели нельзя было оставить пироги дома?

Сюэ Хэн вздернул подбородок и уверенно сказал:

- А если вдруг они пропитаются, пока меня нет? Как же это будет жалко!

Сюй Пин: «...»

Аньюань, неужели ты думаешь, что высиживаешь лунные пироги? И когда они пропитаются маслом, пирог убежит, словно цыпленок или утенок, расправив крылья?

- Кстати, я все никак не мог понять, почему его называют кантонским лунным пирогом? — внезапно задал вопрос Сюэ Хэн.

Сюй Пин, обладающий обширными знаниями, сразу же пояснил:

- Это ведь имя, данное нынешней вдовствующей императрицей. Говорят, вкус этот характерен для области Линнань, вот и назвали его «Кантонским».

Сюэ Хэн наконец-то понял:

- Вот оно что, вдовствующая императрица многое знает и многое умеет.

Они продолжали бродить, болтая о всяком.

Примерно после трех часов дня Сюэ Хэн с товарищем покинули Восточный рынок и отправились по домам.

Дом Сюэ находился в квартале Хуайюань, к востоку от Западного рынка. После выхода с Восточного рынка они пошли на запад по улице, пересекли семь больших дорог и наконец добрались до места, где квартал Хуайюань соприкасался с Западным рынком.

Справа кипел жизнью Западный рынок, полон заморских торговцев, а слева виднелись ворота квартала Хуайюань.

Обычно Сюэ Хэн после прогулки по Восточному рынку обязательно заглядывал на Западный, весело скупая вкусности и безделушки, пока не слышал бой квартальных барабанов, после чего нехотя возвращался домой. Но сегодня, держа в руках драгоценный лунный пирог, он не хотел рисковать, чтобы его ненароком не повредить, и без колебаний свернул в квартал Хуайюань.

Когда он перешагнул порог дома, его вдруг охватило смутение.

Будто... он забыл что-то важное?

Сюэ Хэн остановился, нахмурился, пытаясь вспомнить, но так и не смог понять, что же это

было, и, окончательно махнув рукой, направился с лунным пирогом в свой двор.

Он сонно нащупал масляную бумагу рядом с фарфоровой подушкой, довольно улыбнулся и погрузился в глубокий сон.

Прошло немного времени, и в двор Сюэ Хэна вошла нарядно одетая красивая женщина с высокой прической, украшенная множеством драгоценностей. В сопровождении служанок она шагнула на двор.

Слуги под крышей веранды, увидев ее, поспешили подойти и низко поклонились:

- Госпожа, третий молодой господин сегодня вернулся уставший и сейчас отдыхает.

Услышав это, мать Сюэ махнула рукой, велев слугам отойти, а затем, опираясь на свою служанку, продолжила путь к главному дому.

Было не холодно, и дверь в дом была приоткрыта наполовину. Мать Сюэ оставила всех служанок в саду, после чего тихо ступая, вошла в дом одна. Обогнув ширму, она увидела, как Сюэ Хэн, раскинув руки и ноги, лежит на кровати. Его рот был слегка приоткрыт, и с каждым вдохом слышался легкий храп. Он крепко спал. Лице матери Сюэ смягчилось. Она осторожно подошла к нему, привычно наклонилась и взяла за угол тонкое одеяло, которое Сюэ Хэн отбросил в сторону, заботливо накрыв им своего третьего сына.

Когда она выпрямилась, ее взгляд случайно зацепился за сверток из промасленной бумаги у изголовья фарфоровой подушки. Она слегка удивилась, но сразу же все поняла. Ее взгляд наполнился теплотой, и, улыбаясь, она потянулась за свертком.

«Ах, Хэн-эр, хотя он и не слишком успешен в учебе, но, несомненно, предан и почтителен к матери, так внимателен и заботлив. Каждый раз, возвращаясь домой, не забывает купить для своей старой мамы каких-нибудь сладостей или засахаренных фруктов. И сегодня не стал исключением», — размышляла она, полная материнской любви, поправляя волосы у его виска.

Сжав в руках два свертка, мать Сюэ на цыпочках покинула комнату. Как только она вышла за порог, служанки тут же окружили ее, кто взял под руку, кто следовал сзади... Все происходило так четко и слаженно, что не было слышно ни единого звука.

Только когда они отошли от двора Сюэ Хэна, одна из близких служанок с улыбкой сказала:

- Третий молодой господин опять купил госпоже пирожные!

Мать Сюэ не смогла скрыть легкой гордости и, улыбаясь, вздохнула:

- Ну да, он не столь прилежен в учебе, как первый и второй сыновья, но уж в почтительности и заботе ему равных нет. Всегда рядом со мной, такой чуткий мальчик.

Говоря это, она приподняла сверток из масляной бумаги и, повертев его в руках, с недоумением отметила:

- Раньше он приносил сладости с Восточного рынка или пирожные с Западного, которые всегда упаковывали в коробочки. А эти пирожные выглядят весьма обыкновенно. Интересно, откуда он их взял в этот раз?

На пути обратно, когда мать Сюэ вошла в ворота сада, она увидела, как отец Сюэ сидел в главной зале и неспешно заваривал чай. Она, желая похвастаться сыновней заботой, неспешно подошла, уселась и начала вертеть в руках сверток.

Отец Сюэ тем временем добавлял в чай соль и цедру мандарина, и, заметив, как мать Сюэ все не выпускает сверток из рук, ему сразу стало ясно, в чем дело.

Он хмыкнул:

- Третий сын толком не учится, только и думает о том, чтобы гулять и есть, а потом приносит тебе пирожные, лишь бы угодить. Совсем не такой, как наши первый и второй сыновья.

Мать Сюэ недовольно нахмурилась, не пожелав терпеть подобные слова, и тут же вступилась за младшего.

- Что ты такое говоришь? Хэн-эр почтителен, разве это недостаток? Ты только говоришь об учебе! Да, первый и второй сыновья преуспевают в учебе, но оба служат далеко от дома и приезжают всего раз в два-три года. Если бы не Хэн-эр, разве не было бы у нас с тобой пусто и одиноко? И что с того, что это пирожные? Он думает обо мне, о своей матери, а ты тут ни при чем, старый ворчун!

Отец Сюэ проглотил свои слова и молча продолжил готовить чай, пробормотав:

- Ну да, защищай своего третьего сына! Что там эти его заботы, когда они ничто по сравнению с учебой? И вообще, кому нужны эти пирожные? Упакованы кое-как, на вкус наверняка такие же посредственные.

- Это Хэн-эр специально выбирал, значит, точно вкусно. Только смотри, позже не проси, не упрашивай меня отдать тебе кусочек, — холодно фыркнула мать Сюэ, протягивая руку, чтобы развернуть масляную бумагу. Однако в сердце у нее было какое-то беспокойство.

Третий сын, ах, третий сын, ты уж постарайся, ведь я уже громко хвасталась. Пусть твое угощение оправдывает себя, не заставляй своего отца смотреть на тебя свысока.

По мере того, как желтая промасленная бумага постепенно раскрывалась, распространился сладкий аромат лунных пирогов, обнажив два маслянистых, темно-красных пирога. Они были круглыми, а по краям украшены узором. На верхушке каждого был отпечатан рисунок: на одном — «Цветы расцветают, луна полна», а на другом — простенький портрет, изображающий сцену, где Чанлэ устремляется к луне, выполненный несколькими уверенными мазками.

Глядя на этот рисунок, мать Сюэ улыбнулась:

- Лунные пироги, что принес Хэн-эр, не только ароматные, но и узоры на них такие изящные.

Отец Сюэ, сидя рядом и смахивая пену с чая, уловил слабый сладкий аромат. Он с трудом сдерживался, чтобы не взглянуть на пироги, и терпел. Услышав слова матери Сюэ, он нахмурился и фыркнул:

- Ну и что с того, что узор красивый? Чем тут хвалиться?

После очередного замечания мать Сюэ разозлилась:

— Сюэ Сы-лан*, ты просто невыносим! Хэн-эр ведь делает это из чистого уважения ко мне, а ты чего так разошелся? Если ты не прекратишь, я с Хэн-эром уйду к старшему брату на Праздник Средины осени!

(ПП: Сы-лан - не имя, ее муж четвертый в семье, поэтому она называет его «Супруг Четвертый» или «Четвертый господин»)

В династии Даян, когда девушка выходит замуж, ее сестры и кузины по матери встречают жениха с дубинками и нещадно его колотят, в полной уверенности, что «зять — это собачонка, которую можно убить без спроса». После замужества, если жизнь не задалась, она может развестись и забрать все свое приданое, а также получить пособие на три года в виде одежды или денег. После этого она свободно может выйти замуж вновь.

Поэтому девушки всегда были уверены в себе.

Отец Сюэ и раньше был подкаблучником, а теперь и вовсе не мог справиться с нарастающим гневом своей супруги. Сообразив на ходу, он указал на лунный пирог:

— Ты будешь его есть или нет?

Услышав это, мать Сюэ слегка успокоилась, с улыбкой взяла лунный пирог и отщипнула кусочек. Корочка пирога уже стала мягкой, а текстура - бархатистой; аромат кунжутной начинки был насыщенным, сладковатым и очень приятным на вкус.

Не прошло и нескольких минут, как она доела один пирог с кунжутом и потянулась за другим. Подумав немного, она не стала сразу кусать его.

Скосив взгляд на отца Сюэ, который украдкой поглядывал в ее сторону, она едва сдержала смех и, фыркнув, сказала:

— Обернуто небрежно? Обычный, ничем не примечательный? Преданность третьего сына ничего не стоит?

Отец Сюэ был любителем чая и обычно наслаждался выпечкой с напитком. Но сейчас, почувствовав этот аромат, ему уже было не до обычных угощений на столе. Слыша слова супруги, он тут же ухватился за возможность и, с кривой улыбкой на лице, начал умолять о пощаде, пока не развеселил ее. В итоге мать Сюэ разломил последний пирог и поделила его пополам.

Получив свою половину, отец Сюэ не мог сдержать радости и, подняв ее к глазам, стал внимательно разглядывать. Коричнево-красная корочка скрывала внутри богатую начинку — разноцветные орехи, красные и зеленые нити. Приблизив его к носу, он уловил тонкий аромат орехов и легкий сладковатый запах цукатов.

Он осторожно откусил кусочек — текстура была рассыпчатой, аромат невероятно насыщенным, а сладость в меру сбалансированной. Все это было гармонично, без капли приторности. Сделав небольшой глоток свежесваренного горячего чая, он ощутил, как изысканный вкус напитка и пирога переплетаются, создавая волшебное сочетание.

— А мне чай? — мать Сюэ повысила голос.

— Сейчас, сейчас подам!

Легкий вечерний ветерок приятно обдувал супругов Сюэ, которые, наслаждаясь, поочередно отпивали чай и откусывали маленькие кусочки пирога. На их лицах было одинаковое выражение блаженства.

Не прошло и минуты, как лунные пироги почти закончились.

В этот момент за воротами внезапно появилась тень. Сюэ Хэн примчался, как ветер, весь запыхавшийся. Опершись на ворота, он успел заметить, как мать Сюэ отправляет в рот последний кусочек пирога.

Не успев перевести дыхание, он с гневом крикнул:

— Мама, это был мой пирог!

Подбежав к родителям, Сюэ Хэн с ужасом увидел пустую бумагу от пирогов и горестно завопил:

— Мой пирог! Я ждал двенадцать часов ради него! Так трудно было дожидаться, пока он пропитается маслом...

- Мастер Мэн сказала, что сезонные пирожные не готовят отдельно, так что если не достанется сейчас, придется ждать до следующего Праздника Середины осени!

Наблюдая, как Сюэ Хэн выхватывает промасленную бумагу и прижимает ее к груди, а затем с тяжелым вздохом садится на землю, его родители переглянулись в растерянности.

В конце концов, мать Сюэ, лучше всех знавшая своего сына, внезапно осознала происходящее и, слегка смутившись, осторожно спросила:

— Третий сын, эти лунные пироги не для того, чтобы угостить маму?

Услышав остаточный аромат пирогов в воздухе, Сюэ Хэн чуть не расплакался:

— Сегодня я совсем забыл купить для мамы сладости! Это лунные пироги, которые нам выдали в столовой Гоцзыцзянь для студентов. Я хотел оставить их на вечер...

Мать Сюэ, вспоминая вкус только что съеденного, была слегка удивлена:

— Но ведь ваша столовая известна своей отвратительной едой?

Не дождавшись ответа от Сэ Хэна, она сама вспомнила, как сын последние дни неоднократно повторял одно и то же, и внезапно все поняла. Оказалось, что третий сын не преувеличивал! Неужели столовая Гоцзыцзянь действительно настолько улучшилась, что стала соперничать с рестораном «Фэн Тай Лоу» на Восточном рынке?

Мать Сюэ, глядя на подавленного сына, не знала, как его утешить.

В этот момент рядом неожиданно появилась рука, в ладони которой лежал маленький кусочек лунного пирога, по размеру не больше двух сложенных вместе фишек для го.

Отец Сюэ слегка покашлял и, делая вид, что говорит серьезно, произнес:

— Взрослый человек, а рыдает из-за еды, как ребенок. Никуда не годится. У отца еще остался небольшой кусочек, возьми, попробуй хотя бы.

Услышав это, Сюэ Хэн, как голодный волк, мгновенно схватил пирог, опасаясь, что отец передумает. Положив пирог в рот, он с благоговением смаковал его, медленно наслаждаясь тем, как он постепенно размягчается у него во рту, различая текстуры сухофруктов и засахаренных цукатов, прежде чем с неохотой проглотить.

Тем временем стемнело, и на темном небе засияла круглая луна, нежно и ослепительно прекрасная. Остаточный вкус пирога в его рту внезапно помог Сюэ Хэну обрести спокойствие, и он с глубоким вздохом примирился с произошедшим.

«Ну и ладно, — подумал он, — Будем считать, что я сделал это в знак почтения к отцу и матери».

В любом случае, послезавтра он вернется в Гоцзыцзянь, а там его уже ждут другие угощения от мастера Мэн, которые, возможно, скрасят его сожаление.

Сюэ Хэн стряхнул с себя остатки печали, поднялся с земли, отряхнул пыль с одежды и уже собиравшись сказать несколько теплых слов своим родителям, как вдруг услышал нерешительный голос матери:

— Сынок... может, нам лучше присылать тебе ужины из дома? Ой, нет, давай будем отправлять и завтрак, и ужин?

Сюэ Хэн удивленно спросил:

- Ты ведь и сама знаешь, что еда в столовой очень вкусная, зачем тогда еще приносить?

Мать Сюэ с легкой смущенной улыбкой ответила:

- Мама думает, если одни только лунные пироги настолько вкусны, то уж утренние и вечерние трапезы наверняка ничем не хуже. Так ты будешь есть то, что тебе принесут из дома, а свою порцию утренней и вечерней еды заберешь и отдашь слугам, чтобы они принесли ее обратно? Ой, да это всего лишь две недели. Мама потом поедет к твоим бабушке и дедушке, и вернусь я не раньше Нового года. Так что дай мне хоть немного насладиться вкусной едой...

Сюэ Хэн стоял с широко открытыми глазами, как громом пораженный, не в силах поверить в происходящее. Разве ты не помнишь, как утром с тревогой говорила, что беспокоишься, что твой сын плохо питается? А теперь ты пытаешься отнять у меня еду?

Мама, ты же меня убиваешь!

В это время прохожие на улице рядом с задним двором дома Сюэ, услышав громкий плач, испуганно заткнули уши и поспешили уйти. На дворе Праздник Середины осени, а тут кто-то плачет, в чем дело?

Никто не знал, что в ночь Середины осени у каждой семьи свои радости и печали.

В доме мастера Сюя на улице Шэнпинь вся семья собралась в шумном веселье. Сюй Пин достал три оставшихся лунных пирога и разломил их — начинка у каждого была разной, только с пятью орехами не было.

А в доме семьи Цзян в квартале Сюаньян вспыхнула ссора, и все разладилось, когда глава семьи Цзян ушел на работу к старшей принцессе, но не получил за это награды.

Тем временем в общежитии академии Гоцзыцзянь студент Сунь Гун убеждал своих товарищей перестать порочить мастера Мэн и столовую. Постепенно все соглашались, решив обсудить это с другими студентами, когда те вернутся.

А сама Мэн Сан, о которой шла речь, тем временем пиновала с Сун Ци-нян. Они то хохотали и дразнили друг друга, то говорили о самом сокровенном. Когда веселье и вино вскружили им головы, они заснули, касаясь ногами друг друга.

На севере Чаньян, в императорском дворце, император устроил семейный ужин, где никто не следовал строгим правилам этикета. Старшая принцесса Чжаонин, выпив лишнего, вела шутивную беседу со своим братом, который на этот вечер отбросил царственное величие. Время от времени она жаловалась, что Се Цинчжан — бездушный деревянный чурбан, что ее внучка пропала с горизонта, не успев появиться, или сокрушалась, когда же вернутся вдовствующая императрица и ее супруг. Шэнь Дао и императрица молча улыбаались, слушая ее, а остальные племянники и племянницы общались, не чувствуя никаких ограничений.

А Се-сие, о котором все говорили, невозмутимый и благородный, словно чистый ветер и светлая луна, взял в руки чашу с теплым вином и подошел к перилам, окидывая взглядом весь Чаньянь.

Праздник Середины осени. Сегодня ночью мы все вместе будем любоваться яркой луной.

На следующий день, дом семьи Тан на улице Янькан.

У ворот стоял Ду Фан, наблюдая за подготовленным экипажем и время от времени оглядываясь, ожидая, когда выйдет его господин. Через некоторое время Се Цинчжан вышел, сопровождаемый Тан Хэ, с правой руки которого свисала пухлая и очаровательная девочка с двумя аккуратными хвостиками. Они тихо переговаривались.

Девочка с детской наивностью спросила:

— Дядюшка Се, когда ты снова наведишь Чжэнь-нян?

Се Цинчжан мягко улыбнулся и ответил нежным голосом:

— В конце месяца, когда я приду к твоему отцу, принесу Чжэнь-нян угощения, приготовленные нашими поварами, хорошо?

Чжэнь-нян, закусив губу и переплетая пальцы, задумчиво проговорила:

— Хотя сладости из твоего дома очень вкусные, Чжэнь-нян еще очень любит цукаты. Но мой отец говорит, что Чжэнь-нян нельзя все сразу...

— Не обращай на него внимания, я принесу немного того и другого, — спокойно ответил Се Цинчжан, всегда добродушный с Чжэнь-нян.

Чжэнь-нян тут же радостно заулыбалась, ее глаза сияли:

— Чжэнь-нян больше всего любит дядюшку Се!

Тан Хэ, стоявший рядом, внезапно утратил свою обычную строгую и серьезную осанку младшего помощника министра Храма Дали и усмехнулся:

— Так и есть. Каждый раз, когда этот дядюшка Се приходит, Чжэнь-нян перестает замечать своего отца. Даже хладнокровный Се-сие, который обычно сдержан со мной и Минчэном, становится мягким, когда дело касается Чжэнь-нян, — продолжил Тан Хэ с усмешкой.

Се Цинчжан бросил на него холодный взгляд и спокойно сказал:

— Сегодня ты неожиданно разговорчив, Яньцю. Если бы ты был таким же в суде, не пришлось бы видеть у Лэн Сыцина ежедневно мрачное лицо.

Тан Хэ замолчал, не желая спорить, и повернулся к Чжэнь-нян:

— Чжэнь-нян, ты хочешь пойти к дядюшке Се домой?

Чжэнь-нян весело раскинула руки:

— Нет, Чжэнь-нян тоже любит отца и хочет пойти с ним на рыбалку!

При этих словах недовольство на лице Тан Хэ немного рассеялось, он подхватил свое маленькое сокровище и бросил взгляд на Се Цинчжана:

— Се-сие, я не буду вас дальше провожать.

С этими словами обычно вежливый Тан Хэ развернулся и, не оглядываясь, ушел, крикнув охраннику, чтобы он крепче закрыл ворота.

Когда ворота дома Тан Хэ захлопнулись, Се Цинчжан слегка приподнял бровь, и в его глазах мелькнула легкая улыбка. Повернувшись, он направился к своей повозке, но заметил, что Ду Фан неподвижно стоит, уставившись в одну точку.

Се Цинчжан с легким удивлением заложил руки за спину и подошел ближе.

Когда он оказался совсем рядом, то негромко кашлянул, и только тогда Ду Фан очнулся и поспешил извиниться.

Се Цинчжан бросил на него взгляд:

— О чем ты так задумался?

Услышав, что хозяин не собирается его ругать, Ду Фан расплылся в широкой улыбке и с воодушевлением указал вперед:

— Молодой господин, посмотрите! Это ведь та самая повар Мэн, которая приходила к нам несколько дней назад?

Се Цинчжан слегка моргнул и посмотрел в указанную сторону.

У обочины улицы стояла молодая девушка в светло-желтом платье и розовой накидке с узором из ромбов, слегка приспущенной с плеча. У нее была прическа «перекрещенные сердца», украшенная тремя или четырьмя маленькими изящными аксессуарами, среди которых виднелась серебряная шпилька с нефритом. Ее макияж был сдержанным, но цветочный узор между бровями придавал ей озорное очарование, присущее ее возрасту.

Это была Мэн Сан.

Ду Фан продолжал тараторить:

— Когда я увидел ее в тот раз, она была в простом платье Ху и с незамысловатой прической, выглядела очень скромно. Я ее едва узнал сейчас!

Се Цинчжан опустил веки, затем вновь поднял взгляд и вдруг спросил:

— Что она ест?

Раздался хрустящий звук: тонкая бледно-желтая корочка спринг-ролла с треском сломалась и была с удалю проглочена Мэн Сан. Корочка ролла, обжаренная до хрупкости, скрывала начинку из тонко нарезанных ростков фасоли, лука, моркови и прочих овощей. Вкус был свежим, а сочность начинки удачно уравновешивала маслянистость от обжарки.

Мэн Сан с аппетитом доела спринг-ролл, после чего тут же положила глаз на соседний — с начинкой из свинины. На этот раз, откусив кусок, она почувствовала аромат обжаренного теста, смешанный с запахами свинины, яиц и лука. Свежесть свинины и правильное соотношение влаги делали ее сочной и совсем не сухой.

Мэн Сан радостно грызла спринг-роллы, держа пакет из промасленной бумаги в одной руке, а другой развернула лист с указаниями, полученный от Сун Ци-нян, чтобы проверить дорогу.

- Странно, ведь это место должно быть где-то рядом...

Пока она старалась совместить два дела одновременно, неподалеку внезапно раздался знакомый голос:

— Повар Мэн?

— Повар Мэн!

Услышав, как ее окликают, Мэн Сан подняла голову и, следуя за звуком, увидела Се Цинчжана и его слугу у кареты.

Мэн Сан машинально кивнула, отвечая на приветствие, и выпрямившись, направилась к ним. Подойдя к карете, она хотела сложить руки для поклона, но только тут осознала, что в руках у нее все еще недоеденный спринг-ролл.

Мэн Сан: «...»

Хм, этот человек вроде бы начальник ее начальника. Интересно, за такое неуважение ее не выгонят из академии?

Мысленно она строила догадки, но внешне оставалась совершенно спокойной и сделала поклон, хоть и не совсем по правилам.

— Приветствую Се-сие.

Выпрямившись, она затем кивнула в сторону Ду Фана:

— Мастер Ду.

Она незаметно спрятала руку со спринг-роллом за спину, но когда подняла взгляд, заметила, что Се-сие пристально смотрит на то место, где только что была ее рука.

Мэн Сан заморгала, полностью сбитая с толку.

Что это значит?

Се-сие приглянулся ее спринг-ролл?

*Спринг-ролл □□

<http://tl.rulate.ru/book/112896/4792285>